

Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда¹

Ю.В. ЛАТОВ, Н.В. ЛАТОВА

В последние годы все более активно обсуждается вопрос об особенностях российской хозяйственной культуры. Устойчивым стереотипом стало мнение, что неудачи российских реформ объясняются отличием российской ментальности от европейской. Отношение экономистов к суждениям вроде «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» было и остается довольно сложным. С одной стороны, наукой давно признано, что ценности и стереотипы национальной хозяйственной культуры как неформальные институты имеют большое значение. С другой стороны, подлинная экономическая наука начинается там и тогда, где и когда от качественных суждений (типа «американцы — индивидуалисты, а русские — коллективисты») переходят к количественной обработке баз данных. Лишь относительно недавно, с 1970-х годов, за рубежом начала развиваться этнометрия — наука о количественном анализе особенностей национальных культур. Именно использование этнометрических методов позволяет измерить «душу России» и сделать научно обоснованный вывод о ее отличиях от «души» других стран. Авторы статьи провели несколько исследований, основанных на использовании наиболее известной этнометрической методики, разработанной Гиртом Хофстедом. Результаты этих исследований позволили сделать интересные выводы и об особенностях российской хозяйственной ментальности в целом, и о ее влиянии на развитие в России теневой экономики, и о специфике ментальности молодежи.

В поисках настоящего человека: от неоклассики — к поведенческой экономике и этнометрии

Главной социально-экономической проблемой современного мира является разрыв между «богатым Севером» и «бедным Югом». Речь идет о том, что подавляющая часть населения планеты живет в странах, которые хотят, но не могут построить эффективное рыночное хозяйство. Россия — северная страна, но социальная география отличается от физической: по большинству параметров развития мы принадлежим к «бедному Югу», разделяя его проблемы.

Первоначально казалось, что разница между «бедными» и «богатыми» в основном количественная, т. е. достаточно лишь дать отстающей стране «большой толчок», и она сможет догнать развитые страны. Однако уже в 1970–1980-е годы стало

¹ Статья подготовлена в рамках гранта № 05/6-139 Южного федерального университета «Развитие человеческого и социального капитала в полиэтничном регионе России (на примере Южного федерального округа)».

очевидно, что отставание большинства стран третьего мира от развитых стран продолжает увеличиваться, и различия между ними скорее качественные, чем количественные. Провал попыток «догнать и перегнать» стал лишь одним из длинной серии разочарований в надеждах на догоняющее развитие — путем ли копирования институтов развитых стран Запада, путем ли их отрицания.

Крах «социалистического лагеря» был воспринят как доказательство безальтернативности рыночного хозяйства. Однако этот крах лишь подчеркнул, что у экономистов в настоящее время нет практически значимых концепций, позволяющих строить эффективное рыночное хозяйство. Ведь ни одна из постсоциалистических стран Востока (подразумеваются все страны, расположенные восточнее довоенных границ СССР) так и не смогла заметно улучшить свое положение в мировых экономических рейтингах, следуя рекомендациям либеральных экономистов. Крах многообещающих надежд на рыночные реформы ведет во многих экс-советских государствах к откату назад, к возрождению старой власти-собственности, пусть и в несколько трансформированном виде. В Восточную Европу, правда, власть-собственность вряд ли вернется, зато в России, Белоруссии и на Украине откат к «светлому прошлому» вполне возможен. Еще восточнее институты власти-собственности после распада СССР, пожалуй, даже усилились в сравнении с советскими временами.

Почему же рыночные реформы оказываются обычно тем менее эффективными, чем менее «европейскими» являются страны?

Экономисты приходят к выводу, что одним из важнейших факторов (возможно, самым важным) качественных различий между «богатым Севером» и «бедным Югом» являются различия в «человеческом материале» — в тех ментальных ценностях и стереотипах, которыми руководствуются люди в своей хозяйственной деятельности. В таком случае успех или провал рыночной модернизации России зависит прежде всего от того, насколько наша российская ментальность схожа с европейской.

На прошедшей в начале апреля 2007 г. в ГУ ВШЭ Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие», которая является одним из главных форумов российского научного сообщества экономистов, немало было сказано об отличиях российской ментальности от европейской. Одни, как Е.Г. Ясин, трактовали эти отличия как количественные: «...система ценностей в России достаточно близка к европейской, но все же она более консервативна, традиционна, более склонна к порядку, иерархии и менее — к правам и свободам личности» [Ясин 2007, с. 106]. Другие, как И.В. Розмаинский, считали эти отличия качественными, полагая, что «сложившиеся к началу XXI в. стереотипы и нормы поведения постсоветских россиян не конгруэнтны формальным институтам эффективной рыночной экономики» [Розмаинский 2007].

Сам по себе вывод об отличиях России от Европы далеко не нов. Можно вспомнить хотя бы Л.Н. Толстого, который более столетия назад называл экономическую теорию «мнимой наукой» за то, что она брала за образец «маленькую, находящуюся в самом исключительном положении, Англию» [Толстой 1997], а потому ее выводы и рекомендации России решительно не подходят. Толстому втори-

ли другие отечественные мыслители (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков), подчеркивавшие «особость» характера русского народа².

Позиция большинства современных отечественных обществоведов отличается от позиции русских мыслителей Серебряного века главным образом тем, что они иначе понимают соотношение нормы и отклонения. Согласно Толстому, Англия – уникальна, а вот русский народ, который не признает земельной собственности и защиты государством частной собственности, – нормален. Авторы размышлений о современном россияnine, «человеке постсоветском», переворачивают этот тезис: Англия (т. е. предписанная англо-американским «экономиксом» модель поведения человека) нормальна, а вот Россия, увы...

Кто же прав в продолжающейся уже не одно столетие дискуссии о «русской душе»? Кто ненормален – Россия или Европа?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо, прежде всего, перейти от экспертных и сугубо качественных оценок (по типу «американцы – рациональные индивидуалисты, а русские – иррациональные коллективисты») к оценкам количественным, основанным на данных массовых опросов. Иначе говоря, методологическая проблема заключается в том, как интуитивные представления о качественных различиях между людьми разных наций перевести на привычный современным экономистам язык математических показателей.

Большинство российских исследователей ограничиваются лишь качественной характеристикой различий, хотя и излагают часто свои выводы с использованием количественной терминологии («заниженная степень рациональности», «инвестиционная близорукость»). Следует ли этим ограничиваться? Имеет ли современная наука аппарат для количественного измерения различий между поведением любимого неоклассиками «экономического человека» и реальных людей?

Да, имеет. Причем ей известны даже два пути к измерению этих различий. Не к чести экономистов, оба пути предложены не ими, а специалистами по социальной психологии. Первый путь – это «поведенческая экономика» (behavioral economics) А. Тверски и нобелевского лауреата Д. Канемана; второй – этнометрия Г. Хофстеда и его последователей.

Поведенческая экономика изучает (как правило, с использованием современных методов математического анализа) стереотипы поведения людей путем моделирования реальных жизненных ситуаций. Главным объектом исследований основоположников этого, основанного в 1970-е годы научного направления, американских психологов А. Тверски и Д. Канемана, стали механизмы принятия людьми решений в ситуации неопределенности. Они доказывали, что принимаемые людьми решения существенно отклоняются от того, что предписано стандартной экономической моделью homo economicus. Тверски и Канеман представили результаты большого количества опытов, в ходе которых людям предлагалось совершать выбор между различными альтернативами. Экспериментальным путем было установлено, что не только обыкновенные люди, но даже профессионалы далеко не всегда могут рационально оценить величину ожидаемых выгод или потерь, а также их вероятности.

² См., например [Бердяев 1992; Булгаков 1993; Вышеславец 1995; Лосский 1957].

Эксперименты показали, что люди склонны недооценивать вероятность событий, которые, скорее всего, произойдут, и переоценивать гораздо менее вероятные события. Даже студенты-математики, хорошо знающие теорию вероятности и, казалось бы, более чем кто-либо похожие на живой компьютер (каковым полагается быть человеку экономическому), в реальных жизненных ситуациях не используют свои профессиональные знания, а исходят из сложившихся у них стереотипов, предрассудков и эмоций. Оказывается, низкую склонность к расчетливости можно обнаружить не только у человека постсоветского! По мнению Нобелевского комитета, Д. Канеман, продемонстрировав, насколько плохо люди умеют прогнозировать будущее, «с достаточным основанием поставил под вопрос практическую ценность фундаментальных постулатов экономической теории»³.

Итак, поведенческая экономика доказывает, что нормальные люди Запада (подчеркнем, что Тверски и Канеман проводили свои исследования именно с людьми западной культуры) ведут себя вовсе не так, как того требует модель homo economicus. Поскольку отечественные экономисты знают о поведенческой экономике, суждения о ненормальности россиян часто сопровождаются примерно такой оговоркой: «жителей западных стран это тоже касается, но в меньшей степени». В таком случае, для понимания специфики российской экономической ментальности ее надо сравнивать не с моделью homo economicus, а с реальными характеристиками ментальности американцев, французов, немцев «и прочих разных шведов».

К сожалению, в рамках поведенческой экономики пока практически нет специальных исследований межнациональных различий. Впрочем, и сама behavioral economics в нашей стране известна довольно слабо⁴. В результате практическими исследованиями по поведенческой экономике в России начинают заниматься наши зарубежные коллеги. На уже упоминавшейся научной конференции в ГУ ВШЭ, в частности, вызвал огромный интерес доклад Б. Херрмана (Ноттингемский университет, Великобритания) о различиях в кооперативном поведении граждан Швейцарии и России, выявленных в ходе организованных им имитационных экспериментов, соединяющих идеи Д. Канемана с методами В. Смита.

От этого направления компаративистских исследований следует ожидать, безусловно, значительных открытий. Однако ему предстоит еще долго развиваться, прежде чем оно станет достаточно известным в нашей стране и прежде чем с его помощью можно будет делать надежные выводы о российской ментальности.

А существуют ли методики количественных компаративистских исследований национальных хозяйственных культур, на основе которых уже сегодня можно делать выводы об особенностях российской ментальности? Да, такие методики существуют.

³ О поведенческой экономике см. [Белянин 2003].

⁴ Впрочем, многие труды основоположников этого направления уже переведены на русский язык [Канеман 2006; Канеман, Словик, Тверски 2005; Канеман, Тверски 2003]. К сожалению, их читают больше психологи, чем экономисты. В связи с этим вспоминается недавняя печально-анекдотическая история: когда один из главных в России специалистов по поведенческой экономике защищал докторскую диссертацию, ВАК долго отказывался ее утвердить, поскольку-де публикации автора «не по экономике».

Российским обществоведам относительно хорошо известны методики количественного анализа национальных культур, основанные на сравнении национальной ментальности какой-либо страны не с моделью homo economicus, а с другими национальными ментальностями. Речь идет о так называемой *этнометрии* – направлении этносоциальных исследований, анализирующем ментальные характеристики различных этнических групп с использованием формализованных (математических) методов.

Основоположником этнометрии следует считать голландского ученого Г. Хофстеда, который начал разрабатывать это направление еще в конце 1960-х годов [Hofstede 1980; Hofstede 2001]. Эмпирические данные, используемые Хофстедом, были получены первоначально при анкетировании работников филиалов транснациональной компании IBM в 40 странах. На основе полученных результатов Хофстед выделил четыре основных показателя, при помощи которых могут быть охарактеризованы и описаны господствующие ценностные системы представителей самых разных стран и этнических групп: «дистанция по отношению к власти» (PDI), «избегание неопределенности» (UAI), «индивидуализм» (IDV) и «маскулинность» (MAS). В 1970-е годы список исследуемых стран был расширен Хофстедом до 70 (и продолжает расширяться в наши дни), а к четырем показателям добавлен пятый – «конфуцианский динамизм» (CDI), переименованный позднее в «долгосрочную ориентацию» (LTO). Все Хофстедовы показатели обычно варьируются в интервале от 0 до 100 баллов, хотя возможны и более экстремальные значения.

Методика Г. Хофстеда – далеко не единственная. После пионерных работ голландского психолога появились многие другие методики количественного анализа межнациональных различий (Ш. Шварца, Р. Инглхарта, Ф. Тромпенаарса и др.⁵). Однако наиболее известной остается именно методология этнометрии.

Используя Хофстедовы показатели национальной ментальности, можно создать пятимерную «ментальную карту» мира и с ее помощью сравнивать характеристики любой страны с другими странами мира. На рис. 1 изображена одна из таких двухмерных проекций мировой «ментальной карты», по показателям PDI и IDV, где показаны позиции России и еще 38 стран мира.

Анализируя сходства и различия этнометрических характеристик разных наций, легко обнаружить, что по Хофстедовым показателям «индивидуализм» и «дистанция по отношению к власти» страны мира четко делятся на мегацивилизации Востока (высокие индексы PDI и низкие индексы IDV) и Запада (наоборот, низкие индексы PDI и высокие индексы IDV). На рис. 1 видно, что если мысленно поделить карту на четыре квадранта, то в правом нижнем не будет ни одной восточной страны, а в левом верхнем – почти ни одной западной (кроме Португалии). Правда, некоторые страны сочетают «восточные» и «западные» признаки (например, у Франции типично восточный уровень дистанции по отношению к власти и типично западный уровень индивидуализма), но это те исключения, которые подтверждают правило.

⁵ См., например [Культура имеет значение 2002; Хампден-Тернер, Тромпенаарс 2004]. Парадоксально, что хотя существуют переводы последователей Г. Хофстеда, его собственные труды до сих пор не переведены. Общий обзор этнометрических исследований можно найти, например, в работах [Латова 2003; Лебедева, Татарко 2007].

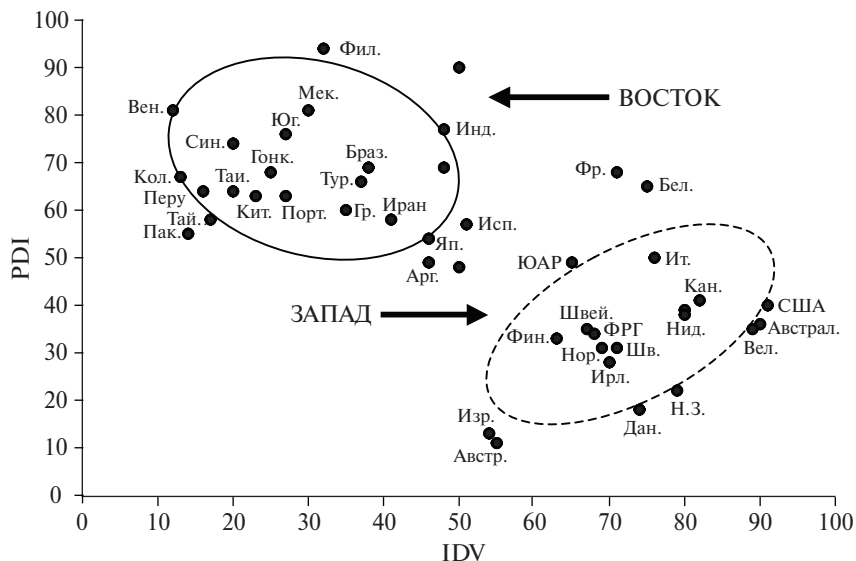

Рис. 1. Полярзация мировых мегацивилизаций и корреляция между рангами дистанции по отношению к власти (PDI) и индивидуализмом (IDV) в различных национальных культурах (в правой нижней части – страны Запада, в левой верхней – страны Востока)

Сокращения: Авст. – Австрия, Австрал. – Австралия, Арг. – Аргентина, Бел. – Бельгия, Браз. – Бразилия, Вел. – Великобритания, Вен. – Венесуэла, Гонк. – Гонконг, Гр. – Греция, Изра. – Израиль, Ин. – Индия, Ирл. – Ирландия, Исп. – Испания, Ит. – Италия, Кан. – Канада, Кит. – Китай, Кол. – Колумбия, Мек. – Мексика, Нид. – Нидерланды, Н.З. – Новая Зеландия, Нор. – Норвегия, Пак. – Пакистан, Порт. – Португалия, Синг. – Сингапур, Таи. – Таиланд, Тай. – Тайвань, Тур. – Турция, Фил. – Филиппины, Фр. – Франция, Швей. – Швейцария, Шв. – Швеция, Юг. – Югославия, Яп. – Япония.

По другим Хофстедовым показателям поляризация мира на Восток и Запад выражена слабее. По показателю «долгосрочной ориентации» четко прослеживается другая поляризация – на страны Дальнего Востока с конфуцианской культурой (Китай, Япония, Тайвань, Южная Корея и другие страны имеют высокие индексы ЛТО) и все остальные страны (низкие значения индексов ЛТО). Что касается показателей «избегания неопределенности» и «маскулинности», то по ним цивилизационная поляризация не прослеживается.

Итак, действительно, по одним параметрам «Запад есть Запад, Восток есть Восток», но по другим «нет Востока, и Запада нет».

Спор о нормальности России переходит, таким образом, в новую плоскость. Если в мире имеют место две макроцивилизационные нормы, то вопрос надо ставить так: *к какой институциональной норме ближе Россия – к норме Запада или к норме Востока?*

Авторы данной статьи начали изучать возможности этнологии Хофстеда для познания «души России» в конце 1990-х годов. Нам бы хотелось дать читателю комплексное представление о том, какие результаты этнометрических исследова-

ний российской ментальности были получены нами с использованием методики Г. Хофстеда.

Главными объектами наших этнометрических исследований стали, во-первых, сравнительная этнометрическая характеристика российской ментальности в целом, во-вторых, взаимосвязь между этнометрическими характеристиками российской ментальности и участием россиян в теневой экономике, в-третьих, различия между этнометрическими характеристиками основной массы населения и студентов как нового поколения работников. Анализ этих проблем позволил получить несколько очень интересных выводов о состоянии и тенденциях развития неформальных институтов современной российской экономики.

Российская ментальность — «восточная» или «западная»?

Прежде всего, ответим на вопрос, каковы же в Хофстедовой системе координат сравнительные характеристики российской национальной ментальности. Охарактеризуем данные этнометрических исследований, обращая особое внимание на показатели индивидуализма и дистанции власти, по которым страны мира классифицируются как Восток и Запад.

Первые этнометрические оценки «души России» по методике Г. Хофстеда производились еще в последние годы существования СССР. До 2000-х годов, впрочем, подобные исследования оставались эпизодическими — можно вспомнить всего три опыта.

Во-первых, это оценки самого Хофстеда, приведенные в его работах 1990–2000-х годов [Hofstede 2001; Hofstede 1994; Hofstede, Kolman, Nicolescu, Pajumaa 1996]. В первых публикациях оценки российской ментальности были сделаны «на глазок», по косвенным (прежде всего, по литературным) источникам. Позже Хофстед стал использовать данные эмпирического исследования на выборке в 70 человек, проведенного в г. Иваново в 1989 г. В последних его публикациях приведен третий вариант оценок российской ментальности с отсылкой на неопубликованные работы Д. Боллингера (1988 г.) и А. Брэдли (1998 г.). Все эти оценки не сильно отличаются друг от друга за исключением данных по показателю индивидуализма: в более поздних оценках он стал более низким (т. е. более «восточным»).

Во-вторых, материалы Боллингера, полученные в 1989 г. в СССР в результате опроса по методике Хофстеда слушателей Высшей коммерческой школы управления в Москве [Bollinger 1994]. Боллингер опросил 55 представителей советского директорского корпуса. Полученные им данные использовались для оценки показателей ментальности России, представленных Хофстедом в 2001 г. Россия «по Боллингеру» является типично «восточной» страной — с высокой дистанцией власти (хотя и ниже, чем у Хофстеда) и низким индивидуализмом (гораздо ниже, чем у Хофстеда).

В-третьих, материалы А.И. Наумова, полученные в ходе проведения опросов по авторской версии Хофстедовой методологии в период с октября 1995 г. по июнь 1996 г. А. Наумовым были опрошены граждане России с незаконченным и законченным высшим образованием: студенты и слушатели школ

бизнеса, преподаватели и специалисты, администраторы и бизнесмены [Наумов 1996].

В 2000-е годы ментальные ценности россиян по методике Хофстеда стали изучаться гораздо активнее. К настоящему моменту мы располагаем данными еще пяти этнометрических исследований.

Первое – это материалы международного исследования GLOBE (1995–2002 годы), основанного на методологии Хофстеда, хотя и не в точности ее повторяющего. В ходе этого обследования были получены результаты и по России (опрошены 450 менеджеров), сопоставимые с данными по другим 52 странам [Грачев 1999]. В целом результаты исследования GLOBE соответствуют данным Хофстеда. Особенно это касается показателя дистанции власти, который, по оценке GLOBE, оказался также весьма высоким («восточным»). Сравнение показателей IDV было осложнено тем, что операционализация этих понятий в проекте GLOBE отличается от примененной Хофстедом. Существенные различия наблюдаются только по показателю «избегание неопределенности».

Второе – данные, полученные в ходе исследования, проведенного в Нижегородской и Ярославской областях осенью 2002 г. в рамках проекта Центра конфликтологии Института социологии РАН «Региональные конфликты», а также данные по Тюмени, Уфе и Москве, полученные в ходе сопряженных исследований ИС РАН. В ходе данного исследования были опрошены 557 респондентов – жителей Нижегородской области и 545 из Ярославской области. При этом использовалась разработанная Н.В. Латовой модификация методологии Хофстеда, предложенная на семинарах EFIL в 1997 г.

Третье – материалы исследования Ю.В. Латова и Н.В. Латовой «Экономическая ментальность россиян: Тула – Россия – мир» (2002–2003 годы) в рамках грантовой программы МИОН, в ходе которого было проведено анкетирование по методике Хофстеда 620 жителей Тулы. При публикации результатов анкетирования авторы отметили, что российская ментальность выглядит скорее восточной, чем западной, хотя оценки Хофстеда уже тогда стали казаться слишком «остернизированными» [Латов, Латова 2001].

Четвертое – данные анкетирования на четырех предприятиях (в Самаре, Мурома, Волжске и Москве) по адаптированному варианту методики Хофстеда, проведенного под руководством В.А. Ядова в 2002 г.⁶ В этом исследовании российская ментальность оказалась вполне западной – с умеренно высоким индивидуализмом и весьма низкой дистанцией власти. Однако следует упомянуть, что данное исследование проводилось на ограниченной и не вполне репрезентативной выборке (518 человек, опрашивались рабочие, мастера, ИТР, специалисты и руководители четырех предприятий).

⁶ По итогам проведенного исследования группой сотрудников В.А. Ядова издана коллективная монография [Становление трудовых отношений... 2004]. В ней упоминается еще одно исследование – опрос по методике Хофстеда 20 пилотов гражданской авиации в летно-испытательном отряде аэропорта Быково. Поскольку в этом исследовании использовалась очень маленькая и нерепрезентативная выборка, его данные вряд ли можно использовать.

Пятое – организованный Ю.В. Латовым и Н.В. Латовой в 2004 г. опрос в Туле, Ставрополе и Тюмени⁷. В каждом из трех городов, участвовавших в обследовании, выборка была репрезентативной и довольно крупной – от 572 респондентов в Туле до 700 в Тюмени.

Казалось бы, мы имеем возможность работать с огромным массивом данных – с оценками Хофстедовых индексов не только по России в целом, но еще и более чем 10 городов России, полученными в ходе 8 исследований. Однако это не совсем так. Дело в том, что материалы большинства упомянутых исследований несопоставимы друг с другом.

Оригинальная методика Хофстеда использовалась (помимо исследований самого Хофстеда) только в четырех исследовательских проектах (табл. 1). В других же проектах были использованы какие-либо модификации этой методики, в результате чего полученные оценки оказались несопоставимыми.

Кроме того, даже те данные, которые получены по одной и той же методике, не все в равной мере репрезентативны. Исследование Д. Боллингера (как и исследование группы В.А. Ядова) проводилось на довольно малых группах – в основном, при участии менее 100 респондентов. Лишь на одном из обследованных группой Ядова предприятий, в Муроме, анкетированию подверглась относительно крупная группа (262 человека). Но главное, анкетирование проводилось в таких группах (директорат и работники одного предприятия), которые заведомо не являются репрезентативными ни для России в целом, ни даже для отдельного города.

Таким образом, наиболее надежными и сопоставимыми с основным массивом Хофстедовых индексов являются данные по трем российским областным центрам (Тула, Ставрополь, Тюмень), полученные авторами данной статьи в 2004 г.

Отметим, что при организации этого исследования города были подобраны таким образом, чтобы они представляли три основные макрорегиона России – Юг (Ставрополь), Центр (Тула) и Восток (Тюмень). Несмотря на то, что эти данные «точечные» (для отдельных городов), вычисленные на их основе показатели для всего массива можно в первом приближении рассматривать как показатели по России в целом.

Попробуем теперь на основе представленной в табл. 1 информации дать примерную оценку Хофстедовых показателей российской экономической ментальности.

Анализ собранных данных показывает, что значения Хофстедовых показателей России, сопоставимые с основным массивом данных по другим странам мира, можно описать так:

для IDV – 50–60 пунктов; данная оценка достаточно надежна, хотя для отдельных регионов (Тюмень) возможны отклонения в сторону более высоких оценок;

⁷ Наиболее полное изложение результатов этого исследования см. в [Латов, Латова, Николаева 2005]. Анкетирование в регионах проводили группа социологов Тюменского государственного университета под руководством доктора социологических наук В.А. Давыденко, социологи Ставрополя под руководством доктора педагогических наук Г.М. Гогиберидзе и группа под руководством доцента Тульского филиала Московского университета МВД кандидата социологических наук Т.С. Вуколовой.

для PDI – вероятно, 40–50 пунктов; надежность этой оценки низкая, возможна сильная дисперсия в обе стороны;
 для MAS – вероятно, 30–40 пунктов; надежность этой оценки самая низкая, наиболее вероятны отклонения в сторону более низких оценок;
 для UAI – 90–110 пунктов; эта оценка достаточно надежна, но возможны и более высокие оценки;
 наконец, для LTO – 40–50 пунктов; данная оценка достаточно надежна, отклонения маловероятны.

Эти оценки в основном близки к тем, которые первоначально приводил сам Хофстед. Существенные различия наблюдаются только по показателю дистанции власти, который у голландского ученого определенно завышен.

Таблица 1. Оценки этнометрических Хофстедовых индексов, полученные в исследованиях 1980–2000-х годов, проведенных по сопоставимой методике*

Проводившиеся исследования	Индивидуализм (IDV)	Дистанция власти (PDI)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Конфуцианский динамизм (CDI или LTO)
Данные несистемных исследований					
Д. Боллингер, данные по России в целом (публикация 1994 г.): выборка 55 человек, нерепрезентативна	26	76	–	92	–
Ю.В. Латов, Н.В. Латова, данные по Туле (исследование 2003 г.): выборка 620 человек, репрезентативна для города	65	43	37	97	46
Данные Г. Хофстеда					
Россия в целом (публикация 1980 г.): опрос не проводился	50	90	40	90	49
Иваново (исследование 1989 г., публикация 1996 г.): выборка 70 человек, нерепрезентативна	39	–	30	–	–
Россия в целом (публикация 2001 г.): источник данных не установлен	39	93	36	95	–
Данные исследовательского проекта В.А. Ядова (2002 г.)					
Весь массив: выборка 518 человек	55	28	2	121	42
Самара: выборка 75 человек, нерепрезентативна	50	19	–26	127	40

Окончание табл. 1

Проведившиеся исследования	Индивидуализм (IDV)	Дистанция власти (PDI)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Конфуцианский динамизм (CDI или LTO)
Муром: выборка 262 человека, нерепрезентативна	56	29	−3	117	43
Волжск: выборка 91 человек, нерепрезентативна	50	91	30	136	51
Москва: выборка 90 человек, нерепрезентативна	60	27	10	115	34
Данные, полученные в ходе исследования Ю.В. и Н.В. Латовых (2004 г.)					
Весь массив: выборка 1869 человек	60	52	35	109	45
Ставрополь: выборка 597 человек, репрезентативна для города	48	67	24	135	51
Тула: выборка 572 человека, репрезентативна для города	50	47	33	104	38
Тюмень: выборка 700 человек, репрезентативна для города	82	41	48	91	45

* Все показатели даны с округлением до целых чисел.

Попробуем теперь ответить на вопрос, к какой норме мы, россияне, ближе — к восточной или западной.

Нанесение данных, полученных для России, на карту ментальных различий по параметрам «индивидуализм — дистанция власти», позволило нам определить место нашей страны относительно мегацивилизаций Востока и Запада (рис. 2). Положение России показано на рис. 2 не точкой, а «пятном», поскольку, пока репрезентативных Хофстедовых опросов по России в целом не проводилось, о координатах России на этой карте лучше делать выводы без чрезмерной категоричности⁸.

До обработки данных проведенного в 2004 г. исследования мы полагали, что экономическая ментальность России, располагаясь на воображаемой шкале экономической ментальности между Востоком и Западом, все-таки чуть ближе к Востоку, а потому Россия — скорее «Азиопа», чем Евразия. В настоящий момент мы склонны быть чуть менее категоричными.

⁸ Формальный вопрос, точкой ли или «пятном» показывать место страны на ментальной карте мира, скрывает серьезную теоретическую проблему. Ведь в любой достаточно крупной стране мира существуют сильные различия между ментальностью жителей разных регионов (например, между шотландцами, валлийцами и англичанами в Великобритании), а потому, строго говоря, любую страну надо показывать именно пятном. Однако проблема межрегиональных ментальных различий изучена пока в этнометрии весьма слабо, и поэтому исследователи вслед за Хофстедом используют точечные этнометрические характеристики наций, отлично понимая, что на самом деле они являются интервальными.

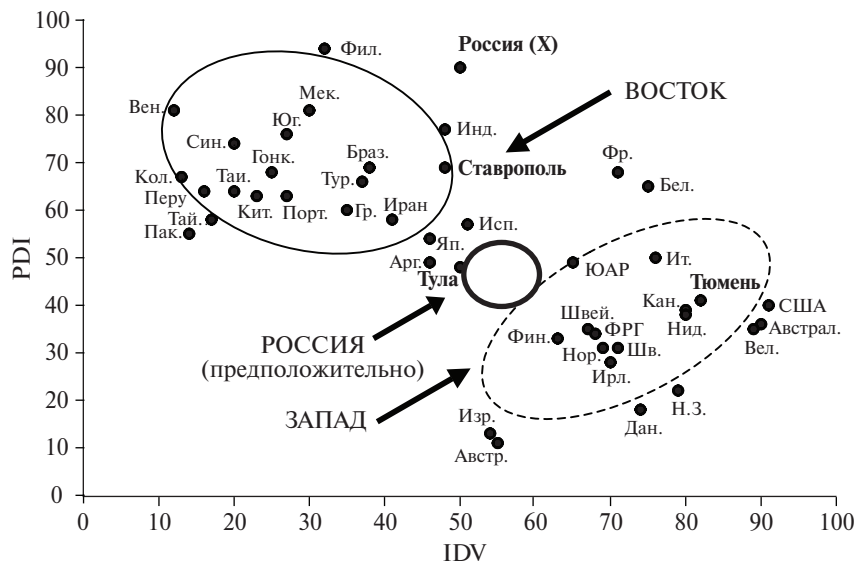

Рис. 2. Россия на карте ментальных различий между мегацивилизациями Востока и Запада (показаны первоначальная оценка Хофстеда (Россия (X)), данные исследования 2004 г. по трем городам России (Ставрополь, Тула и Тюмень), а также авторская предположительная оценка российской ментальности в целом (пятно))

Мы уверены, что оценки Г. Хофстеда и Д. Боллингера, свидетельствующие о восточном характере российской ментальности, и оценки группы В.А. Ядова, согласно которым «душа России» является западной, не вполне корректны. Истина в буквальном смысле слова лежит посередине: *российская ментальность – промежуточная между «западной» и «восточной»*. Согласно последним данным, Россия чуть ближе к Западу, а потому она, вероятно, все же чуть больше Евразия, чем «Азиопа». Мы, россияне, почти в равной степени отличаемся и от «нормального» Запада, и от «нормального» Востока – мы «не нормальны» и по западным, и по восточным меркам.

С учетом сильных межрегиональных различий дилемма «Евразия или “Азиопа”?» представляется все менее важной. Ведь практическое значение этнометрических исследований заключается в том, чтобы выяснить, насколько неформальные институты отстающих стран отличаются от институтов развитых стран и, соответственно, в какой степени они будут способствовать сознательному экспорту институтов с Запада (из Европы и Америки) или с Востока (из Японии и Южной Кореи). На нашей ментальной карте мира видно, что Ставрополь оказался недалеко от Индии, Тула – около Аргентины и Японии, а Тюмень расположилась по соседству с Канадой и Нидерландами (см. рис. 2). Следовательно, наше этнометрическое исследование доказывает, прежде всего, необходимость дифференциации экономических реформ по регионам. Перефразируя пословицу, можно сказать «что ставропольцу здорово, то тюменцу смерть». Видимо, разные регионы России должны выбирать разные модели социально-экономического развития, детерми-

нированные не только и не столько различиями в ресурсном потенциале, сколько различиями в хозяйственной культуре⁹.

Читатель может задаться вопросом: «Если между регионами России культурные различия сильнее, чем, скажем, между Китаем, Тайванем и Сингапуром, то не следует ли вообще отказаться от единой культурно-рыхлой России в пользу нескольких культурно-компактных российских государств?» По нашему мнению, такая постановка проблемы правомерна, но для ее глубокого обсуждения в настоящее время отсутствуют необходимые данные. Как уже указывалось, межрегиональные различия еще не стали объектом специальных этнометрических исследований, а потому у исследователя мало информации для компаративистского анализа. Несомненно лишь то, что в контексте экономической регионалистики этнометрия имеет многообещающие перспективы.

Влияют ли этнометрические характеристики россиян на развитие теневой экономики?

Использование этнометрических оценок для суждений о выборе той или иной модели социально-экономической политики базируется на кажущемся очевидным предположении: различия в экономических ценностях детерминируют и различия в экономическом поведении. Между тем у обществоведов имеются существенные основания для сомнений в этом. Среди специалистов широко распространено мнение, что люди мыслят по-разному, но поступают довольно одинаково. Иначе говоря, различия в ментальных ценностях слабо коррелируются с различиями в практической деятельности. А что можно сказать по этому поводу с точки зрения этнометрии Хофстеда?

Прежде всего, легко заметить некоторую взаимосвязь между различиями национальных хозяйственных культур и различиями национальных моделей экономики. Снова вернемся к рис. 1. Если мысленно разделить «западный» (правый нижний) квадрант пополам по вертикали, то в правой части (где выше индивидуализм) окажутся англосаксонские страны с либеральной моделью экономики (США, Великобритания, Австралия, Канада, Новая Зеландия), а в левой части (где индивидуализм ниже) — континентально-европейские страны с моделями экономики, близкими к «социальному рыночному хозяйству» (ФРГ/Германия, Австрия, Швеция, Норвегия и др.). Правда, в «восточном» квадранте межгрупповые различия проследить трудно. Но ведь и экономисты пока не выработали сколько-нибудь устойчивой типологии моделей развития стран третьего мира.

Попробуем, используя полученные нами данные, рассмотреть на российском материале лишь один из аспектов взаимосвязи между ментальными ценностями и экономическим поведением. Речь пойдет об участии россиян в теневых экономических отношениях.

Проводилось много исследований факторов, детерминирующих развитие теневой экономики в различных странах¹⁰. В настоящее время чаще всего дискуссия

⁹ Следует подчеркнуть, что эти различия не являются этническими, ведь во всех трех исследованных нами городах абсолютно преобладают этнические русские.

¹⁰ Обзор исследований по данной проблеме см. в [Латов, Нестик 2002].

идет между сторонниками правового и культурного детерминизма. Последователи неоинституциональной методологии (в духе перуанского экономиста Э. де Сото) полагают, что камень преткновения — это «плохие законы и практики правоприменения». Последователи же традиционного институционализма (в стиле Г. Мюрдала и Дж. Скотта) убеждены, что гораздо более важны «плохие культурные традиции». Причем если неоинституционалисты часто приводят убедительные криминометрические оценки, то традиционные институционалисты прибегают к количественным оценкам гораздо реже.

Во время проведенного авторами данной статьи в 2004 г. исследования в трех городах России было решено проверить гипотезу о *корреляции между индексами Хофстеда и теневой экономикой*. Для этого респондентам помимо вопросов по анкете Хофстеда задавались также вопросы о их личном участии в различных теневых отношениях, о том, насколько часто наблюдаются эти отношения, и о том, как они относятся к ним. Для ответов респондентам предлагалась порядковая шкала ответов, включающая варианты «никогда», «редко», «время от времени», «часто» и «постоянно». По собранной базе данных на 1869 респондентов можно проверить наличие корреляций между ответами опрашиваемых по поводу различных видов теневой экономики и их Хофстедовыми индексами. Полученные результаты представлены в табл. 2, 3 и 4.

Таблица 2. Значимые корреляции по Пирсону между степенью личного участия в различных теневых экономических отношениях* и Хофстедовыми индексами

Виды теневых экономических отношений	Индексы Г. Хофстеда				
	Индивидуализм (IDV)	Дистанция власти (PDI)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Конфуцианский динамизм (CDI)
«Вторая» теневая экономика					
Обман продавца покупателем			0,133	– 0,148	
Использование казенного имущества в личных целях				– 0,103	
«Прихватизация» с места работы каких-либо крупных вещей				– 0,139	
Выплата зарплаты из «черной кассы», без выплаты налогов				– 0,101	
«Серая» теневая экономика					
Покупка нелегализованных видео- и/или аудиозаписей			0,132	– 0,152	
Предоставление услуг без формального договора				– 0,139	

* Речь идет об ответах респондентов на вопросы: «Приходилось ли Вам лично сталкиваться с ситуацией, когда...».

Таблица 3. Значимые корреляции по Пирсону между мнениями респондентов о распространности различных теневых экономических отношений* и Хофстедовыми индексами

Виды теневых экономических отношений	Индексы Г. Хофстеда				
	Индивидуализм (IDV)	Дистанция власти (PDI)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Конфуцианский динамизм (CDI)
«Вторая» теневая экономика					
Использование рабочего времени в личных целях			0,128	– 0,113	
Использование казенного имущества в личных целях				– 0,107	
Подношения ответственным лицам	– 0,112	0,156			
Подношения ответственным лицам под их давлением		0,125			
Выплата зарплаты из «черной кассы», без выплаты налогов	– 0,117				– 0,100
«Серая» теневая экономика					
Кредитование знакомых без расписки				– 0,139	
Предоставление услуг без формального договора					– 0,124
Предоставление услуг без выплаты налогов				– 0,122	– 0,148

* Речь идет об ответах респондентов на вопросы: «Как вы считаете, насколько часто в жизни происходят следующие явления...».

Таблица 4. Значимые корреляции по Пирсону между мнениями респондентов о допустимости различных теневых экономических отношений* и Хофстедовыми индексами

Виды теневых экономических отношений	Индексы Г. Хофстеда				
	Индивидуализм (IDV)	Дистанция власти (PDI)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Конфуцианский динамизм (CDI)
«Вторая» теневая экономика					
Обман продавца покупателем		– 0,123			
Использование рабочего времени в личных целях		– 0,133		– 0,166	
Использование казенного имущества в личных целях		– 0,124		– 0,139	

Окончание табл. 4

Виды теневых экономических отношений	Индексы Г. Хофстеда				
	Индивидуализм (IDV)	Дистанция власти (PDI)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Конфуцианский динамизм (CDI)
«Прихватизация» с места работы каких-либо мелких вещей		-0,111		-0,141	
«Прихватизация» с места работы каких-либо крупных вещей		-0,115		-0,108	
Подношения ответственным лицам		-0,127		-0,137	
Подношения ответственным лицам под их давлением		-0,200			
Выплата зарплаты из «черной кассы», без выплаты налогов		-0,105		-0,138	
Проезд в общественном транспорте без билета				-0,128	
«Серая» теневая экономика					
Покупка нелегальных видео- и/или аудиозаписей	0,105			-0,169	
Покупка нелегального программного обеспечения		-0,101		-0,191	
Работа без трудового договора		-0,113		-0,114	
Кредитование знакомых без расписки				-0,123	
Предоставление услуг без формального договора				-0,125	
Предоставление услуг без выплаты налогов			0,116	-0,145	

* Речь идет об ответах респондентов на вопросы: «Как вы считаете, допустимо ли, когда...».

Отмеченные значимые корреляции невелики, они варьируются по модулю в интервале 0,1–0,2. Таким образом, суждения о слабой зависимости экономического поведения от хозяйственной ментальности не беспочвенны. Однако, хотя и не очень сильная, но такая зависимость все же имеет место. Все отмеченные в табл. 2, 3 и 4 корреляционные тенденции являются значимыми на высоком уровне ($p < 0,01$). Проанализируем их.

Мы видим, прежде всего, что разные характеристики экономической ментальности далеко не в равной степени влияют на участие россиян в теневых экономических отношениях и на отношение к ним.

Наиболее важен показатель избегания неопределенности (UAI) – он значимо коррелирует с 23 характеристиками участия в теневых отношениях. Менее активен показатель дистанции власти (PDI), который коррелирует с 12 характеристиками. Совсем слабо влияют на теневые отношения индивидуализм, маскулинность и долгосрочная ориентация – каждый из этих индикаторов демонстрирует лишь по 3–4 значимые корреляции с характеристиками участия в различных теневых отношениях.

Таким образом, на основании имеющихся данных можно утверждать, что *в современной России на развитие теневых экономических отношений наиболее активно влияют два из пяти показателей этнометрии Хофстеда – избегание неопределенности и дистанция власти.*

Бросается в глаза высокая неравномерность распределения корреляционных зависимостей (см. табл. 2, 3 и 4): сильнее всего хофстедовы показатели влияют на мнения респондентов о допустимости теневых отношений (25 корреляций), значительно слабее (12 корреляций) – на их суждения о том, насколько часто эти отношения встречаются в жизни, еще реже (8 корреляций) – на их личное участие в теневых отношениях. Видимо, культурные ценности влияют не столько на само поведение людей, сколько на осознание ими допустимости/недопустимости тех или иных действий. В данном случае мы имеем возможность вновь убедиться в том, что «говорят одно, думают другое, а делают третье». Иначе говоря, в России наблюдается сильное рассогласование системы ценностей и реального поведения людей.

Теперь попробуем выделить те виды теневых экономических отношений, характеристики которых сильнее всего коррелируют с индексами Хофстеда. Среди суждений респондентов о разных видах «второй» теневой экономики (так называют те нелегальные практики, которые неразрывно связаны с легальной занятостью, являются их «оборотной стороной») чаще всего (5 раз) с Хофстедовыми индикаторами коррелировали ответы о выплате зарплаты из «черной кассы» как форме уклонения от налогов. Что касается «серой»/неформальной теневой экономики (так называют самостоятельную внелегальную экономическую деятельность по производству обычных товаров и услуг), то здесь чаще всего наблюдались корреляции с ответами о покупке нелегальных видео- и аудиозаписей и оказанием бытовых услуг без заключения договора¹¹.

В какой степени полученные нами новые этнометрические данные согласуются с суждениями других исследователей о влиянии Хофстедовых индикаторов на феномены теневой экономики? К сожалению, хотя существует немало работ о взаимосвязи национальных культурных характеристик и особенностей теневой экономики в различных странах, они выполнены, как правило, с использованием методов качественных оценок. Однако один подходящий объект для сравнительного анализа нам все же удалось найти.

При анализе качественной и количественной взаимосвязи между индексами Хофстеда и теневой экономической деятельностью из всех видов этой деятельно-

¹¹ Обоснование используемой нами типологии разных видов теневой экономики дано в [Латов, Ковалев 2006].

сти чаще всего основное внимание обращают на коррупцию. Отчасти это связано с широкой распространенностью и достаточно сильным влиянием на хозяйственную жизнь именно этого вида теневых отношений (некоторые исследователи даже включают коррупцию в число глобальных проблем современности). Не менее важным является то обстоятельство, что именно по сравнительному измерению коррупции в разных странах накоплен наиболее обширный и достоверный массив данных.

Из ряда работ по оценке взаимосвязи показателей Хофстеда и коррупции, выполненных зарубежными исследователями (см. обзор в [Нестик 2002]), мы сошлемся только на одну – наиболее, на наш взгляд, авторитетную.

При компаративистском анализе коррупции активно используется индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index – CPI)¹², который рассчитывается международной организацией Transparency International (в буквальном переводе – «Международная прозрачность»). С 1995 г. эта некоммерческая неправительственная организация по изучению коррупции и борьбе с ней регулярно, с интервалами в 4 года, публикует сравнительные индексы развития коррупции в разных странах мира. Именно сотрудники Transparency International и внесли самый важный, по нашему мнению, вклад в изучение взаимосвязи индексов Хофстеда с индексами коррупции: используя базу данных по CPI для разных стран мира за 1998 г., они рассчитали индексы корреляции по Пирсону между CPI и четырьмя индексами для нескольких десятков стран мира (табл. 5).

Таблица 5. Корреляция по Пирсону между Хофстедовыми показателями и индексами восприятия коррупции

Страны	Индивидуализм (IDV)	Дистанция власти (PDI)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)
50 стран мира	0,71	–0,70		–0,38
26 богатых стран мира	0,47	–0,45	–0,33	–0,78

Источник: [Hofstede 2001, p. 517].

Мы видим, что, по данным Transparency International, корреляции по трем индикаторам оказались значимыми или даже сверхзначимыми. При этом для всей группы 50 стран мира обнаруживается сильная корреляция с индивидуализмом и дистанцией власти, а с избеганием неопределенности – более слабая. В отношении же маскулинности корреляция обнаружилась только для богатых стран, причем она оказалась малозначимой.

Среди наших данных, представленных в табл. 3, также имеют место показатели о корреляциях между «подношениями ответственным лицам» и Хофстедовыми показателями респондентов (3-я и 4-я строчки в разделе «“Вторая” теневая экономика»). На первый взгляд, показанные в табл. 3 корреляции с суждениями

¹² Данный индекс может варьироваться в пределах от 0 до 10. Чем выше CPI, тем более «чистой» с точки зрения уровня коррупции считается страна.

респондентов о распространенности коррупции нельзя сопоставить с измеренной зарубежными исследователями корреляцией с индексами восприятия коррупции. Ведь сотрудники Transparency International рассматривали взаимосвязь оценок коррумпированности некоторых стран и Хофстедовых индексов этих же стран. У нас же в таблице отмечена взаимосвязь между оценками распространенности коррупции и Хофстедовыми индексами самих респондентов, а не тех, кто вовлечен в коррупцию. Однако мы считаем, что наши оценки близки по смыслу к оценкам Transparency International. Дело в том, что респонденты имеют основания стыдиться своего участия во многих видах теневых отношений, поэтому их суждения о распространенности коррупции «вообще в жизни» можно интерпретировать как закамouflированную оценку личного опыта участия в коррупционных отношениях.

Сопоставим теперь выводы Transparency International с нашими данными по трем регионам России о характере корреляционной зависимости между Хофстедовыми индексами и суждениями респондентов о степени распространенности коррупционных отношений (табл. 6).

Таблица 6. Сравнение разных оценок зависимости восприятия коррупционных отношений от Хофстедовых индексов

Оценки	Высокий уровень коррупции (низкий CPI) наблюдается, если Хофстедовы индексы			
	индивидуализма (IDV)	дистанции власти (PDI)	маскулинности (MAS)	избегания неопределенности (UAI)
Исследование 50 стран мира Transparency International, 1998 г.	Будут низкими	Будут высокими	Будут, предположительно, высокими	Будут высокими
Исследование трех городов России Ю.В. и Н.В. Латовыми, 2004 г.	Будут низкими	Будут высокими	Связь не отмечена	Связь не отмечена

Как видно из табл. 6, оба исследования – Transparency International и наше – сходятся в том, что распространенность коррупционных отношений положительно зависит от индекса индивидуализма и отрицательно – от индекса дистанции власти. Что касается влияния других индексов, то теперь можно объяснить, почему оно не было зафиксировано в нашем исследовании: даже на мировом уровне их влияние является либо значимым, но слабым (влияние избегания неопределенности), либо и слабым, и малозначимым (влияние маскулинности).

Обоснованность наших результатов по России подтверждается, таким образом, аналогичными результатами по странам мира.

Итак, корреляцию между развитием теневой экономики (особенно, коррупции) и характеристиками российской ментальности теперь следует считать гипотезой, имеющей не только логические, но и экономико-математические доказательства. Культурные индикаторы воистину имеют значение для экономики!

«Вестернизируется» ли студенчество модернизирующихся стран?

Перейдем теперь к самому интересному аспекту этнометрического анализа – к изучению перспектив изменения места России на мировой карте ментальных различий.

После того как отечественные обществоведы начали осознавать роль национальной хозяйственной культуры как фактора, ограничивающего «вестернизацию» России, они стали искать информацию о сдвигах в ментальных характеристиках россиян. Ведь с момента начала рыночных реформ прошло уже 15–20 лет!

На самом деле поиск информации о качественных сдвигах в российской ментальности, на наш взгляд, изначально не сулил особых успехов, особенно если искать эти сдвиги в данных общероссийских репрезентативных опросов. Все специалисты по социальной психологии сходятся в том, что ментальные стереотипы и ценности являются в высокой степени инерционными неформальными институтами. Не случайно в этнометрии Хофстеда до сих пор пользуются теми оценками, которые были получены Г. Хофстедом треть столетия назад. Конечно, при смене социально-экономической системы скорость изменения ментальности растет. Но можно ли ожидать, что человек будет менять свою ментальность, как змея кожу? Скорее, он будет адаптироваться к изменившейся реальности, сохраняя основной каркас своих ценностей и стереотипов.

Психологи отмечают, что с возрастом психологическая гибкость существенно снижается. В таком случае скорость изменений национальной экономической ментальности во многом детерминирована скоростью смены поколений. Образно выражаясь, «деды» не смогут поступиться принципами, «отцы» будут стараться адаптироваться, «дети» легко перестроятся, «внуки» просто не будут знать иной реальности. Следовательно, для понимания вектора изменения национальной ментальности лучше всего сразу нацелиться на изучение младших возрастных когорт – молодежи студенческого возраста.

Когда мы приступили к этнометрическому изучению молодежи, то с удивлением обнаружили, что хотя Хофстедова этнометрия родилась из потребностей производственного менеджмента, однако до сих пор почти нет этнометрических исследований, которые бы изучали ментальность студентов – людей, готовящихся выйти на рынок труда. Едва ли ни единственным исключением является исследование, проведенное в 1989–1994 годах группой ученых-этнометристов, включая самого Г. Хофстеда, которые проанкетировали по Хофстедовой методике студентов из США и еще 7 европейских стран (включая Россию) [Hofstede, Kolman, Nicolescu, Pajumaa 1996].

В ходе этого исследования ученые обратили внимание на то, что показатели студентов чаще всего сильно отличались от тех, которые были ранее рассчитаны для работников IBM из капиталистических стран (табл. 7): у студентов были, как правило, ниже и индексы индивидуализма (особенно это заметно по США и Нидерландам), и индексы маскулинности (это сильнее заметно по Германии и Бельгии). Когда в 1990-е годы база индексов Хофстеда расширилась, то обнаружилось, что подобные расхождения наблюдаются и в (бывших) социалистических странах, хотя и менее ярко выраженные.

Как было указано ранее, в России широкомасштабные и репрезентативные исследования по методологии Хофстеда проводятся авторами данной статьи с 2000 г. В каждом исследовании студенты были обязательной группой, входящей в состав респондентов.

Таблица 7. Сравнение Хофстедовых индексов для студенчества и для стран в целом

Страны, год анкетирования студентов	Численность респондентов	Индивидуализм (IDV)		Маскулинность (MAS)	
		Для работни- ков IBM (1970 г.)	Для сту- дентов	Для работ- ников IBM (1970 г.)	Для сту- дентов
Капиталистические страны					
США (1989–1990 гг.)	89	91	30	62	62
Нидерланды: англоговорящие (1990 г.)	129	80	41	14	8
голландскоговорящие (1992 г.)	100		28		16
Бельгия: голландскоговорящие (1992 г.)	100	78	53	43	37
франкоговорящие (1992 г.)	100	72	63	60	36
Германия (1992 г.)	100	67	70	66	29
(Экс-)социалистические страны					
Эстония (1989 г.)	95	60*	53	30*	24
Россия (1989 г.)	70	39*	39	36*	30
Чехия (1993 г.)	101	58*	45	57*	39
Румыния (1994 г.)	99	30*	23	42*	36

* Данные взяты из исследований 1990-х годов, не связанных с анкетированием работников IBM.

Составлено по [Hofstede, Kolman, Nicolescu, Pajumaa 1996; Hofstede 2001, p. 502].

В табл. 8 показаны индексы студентов в сравнении с индексами для всех респондентов (по методологии Хофстеда) репрезентативной выборки по пяти городам России, исследованным авторами в начале 2000-х годов¹³.

Сравнение показателей позволило установить, что для российских студентов характерна низкая дистанция власти, высокий показатель индивидуализма, низкое избегание неопределенности и, с меньшей долей вероятности, высокая маскулинность и высокий конфуцианский динамизм. Эти данные свидетельствовали о ярко выраженной западной ориентации ментальности российских студентов. Правда, эти выводы следовало принимать осторожно из-за относительно небольшого количества респондентов-студентов в каждом из исследованных городов.

¹³ Еще раз напомним, что при опросах 2001 и 2004 г. использовались разные модификации анкеты Хофстеда, поэтому эти данные нельзя сравнивать друг с другом.

Таблица 8. Сравнение Хофстедовых индексов для студенчества и для репрезентативной выборки по городам России*

Города	Число студентов	Дистанция власти (PDI)		Индивидуализм (IDV)		Маскулинность (MAS)		Избегание неопределенности (UAI)		Долгосрочная ориентация (LTO)	
		Данные по городу	Данные по студентам	Данные по городу	Данные по студентам	Данные по городу	Данные по студентам	Данные по городу	Данные по студентам	Данные по городу	Данные по студентам
Данные исследования 2001 г.											
Нижний Новгород	68	48	38	44	52	45	48	Н. д.	Н. д.	Н. д.	Н. д.
Ярославль	70	45	40	52	54	43	45	Н. д.	Н. д.	Н. д.	Н. д.
Данные исследования 2004 г.											
Тула	73	48	51	50	77	33	60	104	77	38	49
Тюмень	40	41	47	82	86	48	65	91	70	48	55
Ставрополь	65	69	60	48	59	24	24	135	121	51	39

* Показатели даны с округлением до целых чисел.

Таким образом, российское студенчество вызывало у авторов данной статьи особый интерес своими довольно маргинальными (для России) ценностями. Стандартные ссылки на юношеский максимализм и сознательный «западнизм» (копирование российской молодежью образа жизни людей развитых стран Запада) не могут в полной мере объяснить наблюдаемые расхождения. Ведь Хофстедовы индексы измеряют подсознательные жизненные ориентации и ценности, которые, как правило, вырабатываются в процессе практической деятельности.

Мы решили целенаправленно проверить, как не только в России, но и в других модернизирующихся странах соотносятся ментальные ценности студентов и ментальные ценности нации в целом. В процессе исследования было решено проверить следующую гипотезу: *система высшего образования модернизирующихся стран транслирует культурно-ментальные институты развитых стран, повышая «вестернизацию» молодежи*. Эту гипотезу можно логически обосновать следующим образом.

Стремясь «догнать» развитые страны, (полу)периферийные страны перенимают их экономические и иные институты. Однако эта институциональная имплантация далеко не всегда оказывается удачной вследствие неконгруэнтности наиболее глубинных неформальных институтов. Индексы этнологии Хофстеда позволяют измерить некоторые характеристики этих наиболее глубинных культурно-ментальных институтов, определяющих экономическое поведение. Система же гуманитарного образования модернизирующихся стран является одним из важнейших каналов имплантации западных культурно-ментальных институтов, ведь

современные общественные науки сформировались под определяющим влиянием именно западной культуры.

Если верна наша главная гипотеза, то следует ожидать, что студенчество будет более «вестернизированным», чем основная масса населения модернизирующихся стран. Можно сформулировать дополнительную гипотезу: *степень «вестернизации» сознания студента должна быть тем выше, чем на более высоком уровне вузовского обучения находится молодой человек* (т. е. чем большее время он находится под воздействием «излучения» культурно-ментальных ценностей стран Запада).

Таблица 9. Количество и структура респондентов по уровню образования

Страны	Уровень образования			Общее количество респондентов
	Начальный этап образования (1-й и 2-й год обучения)	Продвинутый этап образования (3-й и 4-й год обучения)	Заключительный этап образования (магистранты, аспиранты и кандидаты наук)	
Россия	136	110	33	279
Казахстан	44	39	45	128
Киргизия	6	55	48	109
Турция	76	75	3	154
Пакистан	32	10	76	118
Украина	75	29	75	179
Белоруссия	50	75	49	174
Всего	419	393	329	1141

Чтобы проверить эти гипотезы, участники кросс-культурного исследования¹⁴ провели в 2005–2006 гг. опрос студентов-экономистов в шести странах (табл. 9) – четырех странах полупериферии (Россия, Украина, Турция, Пакистан) и двух странах периферии (Казахстан и Киргизия). Кроме того, в исследование были вовлечены студенты-юристы – слушатели Академии управления МВД Белоруссии в Минске, столице Белоруссии, еще одной полупериферийной страны¹⁵.

¹⁴ Кроме авторов данной статьи в проведении этого исследования участвовали А. Эргенели (Турция, Университет Хаджеттепе) и Ж. Темирбекова (Казахстан, МКТУ им. Х.А. Яссауи). Данные по Белоруссии были предоставлены В.П. Кунцевичем (Академия управления МВД Белоруссии).

¹⁵ Термины «периферия» и «полупериферия» используются здесь в соответствии с концепцией мир-системного анализа И. Валлерстайна. В выборку по России вошли студенты Государственного университета – Высшей школы экономики, Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова, Тульского государственного университета, Ростовского государственного университета и Краснодарского филиала Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. В выборку по Украине попали студенты нескольких вузов Восточной Украины (Харьковский национальный экономический университет, Донецкий национальный технологический университет и др.). В Казахстане, Киргизии, Турции и Пакистане опросы проводились в столичных университетах – в Казахском национальном университете Алматы, университете Хаджеттепе в Анкаре, Бишкекском гуманитарном университете.

Исследуемые нами семь стран либо явно относятся к странам Востока (Турция, Пакистан, Казахстан, Киргизия), либо, по крайней мере, обладают высокой степенью близости к ним (Россия, Украина и Белоруссия). Следовательно, «вестернизация» сознания студентов-экономистов должна проявляться прежде всего в повышении у них индексов индивидуализма (IDV) и снижении индексов дистанции власти (PDI) в сравнении с основной массой их сограждан.

Этнометрические показатели для вовлеченных в наше исследование студентов модернизирующихся стран представлены в табл. 10.

Таблица 10. Хофстедовы показатели студенчества семи модернизирующихся стран*

Страны	Дистанция власти (PDI)	Индивидуализм (IDV)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Долгосрочная ориентация (LTO)
Не экс-советские					
Пакистан	7	84	95	50	45
Турция	15	65	57	38	39
Экс-советские					
Россия	52	67	73	69	46
Казахстан	31	69	59	88	46
Киргизия	27	63	53	114	44
Украина	41	59	70	88	47
Белоруссия	54	72	60	87	46

* Показатели даны с округлением до целых чисел.

В какой же степени оправдались исходные гипотезы нашего исследования?

Сравним для тех пяти стран, для которых мы имеем оценки Хофстедовых индексов для нации в целом (это Россия, Турция, Пакистан, Украина и Белоруссия)¹⁶, дистанцию и вектор различий между показателями для студенчества и для нации в целом (табл. 11, рис. 3).

На основе имеющихся данных можно сделать вывод, что в четырех странах (Турция, Пакистан, Украина, Белоруссия) студенты «вестернизированы» гораздо сильнее своих сограждан: индексы PDI и IDV у них оказались близки к показателям граждан англосаксонских стран.

¹⁶ Данные по Украине и Белоруссии взяты из рабочих материалов компании GE Medical Systems (2004 г.). Однако эти данные можно рассматривать лишь как предварительные и следует подвергнуть критической проверке. Дело в том, что показатели Белоруссии и Украины подозрительно близки к тем «остернизированным» оценкам России, которые приводит в последних работах Г. Хофстед и которые, как помнит читатель, оказались «не совсем» соответствующими данным репрезентативных опросов. Не исключено, что по Украине и Белоруссии оценки тоже оказались чрезмерно «остернизированными».

Таблица 11. Различия между Хофстедовыми индексами студентов и основной массы населения

Хофстедовы индексы		Россия	Турция	Пакистан	Украина	Белоруссия
PDI	Для студентов (1)	52	7	15	41	54
	Для страны (2)	41–93 (наиболее вероятно – 40–50)	66	55	92	102
	Различия (1–2)	Не ясны*	–59	–40	–51	–48
IDV	Для студентов (1)	67	84	65	59	72
	Для страны (2)	39–82 (наиболее вероятно – 50–60)	37	14	18	15
	Различия (1–2)	Не ясны*	+47	+51	+41	+57
UAI	Для студентов (1)	69	50	38	88	87
	Для страны (2)	90–135	85	70	80	100
	Различия (1–2)	Не менее –15	–35	–32	+8	–13
MAS	Для студентов (1)	73	95	57	70	60
	Для страны (2)	24–48	45	50	Н. д.	
	Различия (1–2)	Не менее +12	+50	+7	Н. д.	
LTO	Для студентов (1)	46	45	39	48	46
	Для страны (2)	38–51	Н. д.	0	Н. д.	
	Различия (1–2)	Не ясны*	Н. д.	+39	Н. д.	

* «Точечный» показатель для студентов находится внутри интервала значений показателя для страны в целом.

По России ситуации несколько сложнее. Как было отмечено, существует несколько оценок ментальных характеристик россиян, и пока трудно с уверенностью судить, какая из них точнее соответствует российской ментальности в целом. Сравнивая Хофстедовы индексы российских студентов с ранее полученными индексами для разных регионов России, можно сделать лишь предварительный вывод, что различия в целом похожи на ситуацию в других странах:

у студентов выше индивидуализм и ниже дистанция власти. Однако в России эти различия, видимо, не настолько сильны, как в других странах. Если обратиться к табл. 8, то опросы по отдельным городам показали, что у студентов индексы индивидуализма были во всех случаях несколько выше, а индексы дистанции власти, как правило, несколько ниже. Если в других странах разрыв составлял по модулю 42–57 (для IDV) и 40–59 (для PDI) баллов, то в России он обычно не превышал 10 баллов.

На рис. 3 эти различия очень хорошо видны: если для других четырех стран линии, показывающие разрыв между положением страны и студентов этой страны на ментальной карте мира, пересекают большую часть пространства графика, то для России соответствующая линия (она показана пунктиром) кажется лишь маленькой черточкой.

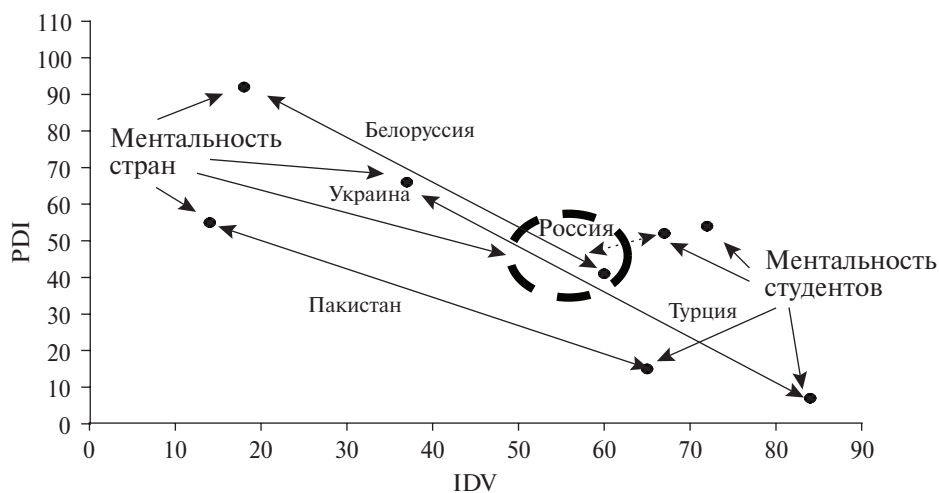

Рис. 3. Различия между ментальностью студентов и основной массы населения для пяти модернизирующихся стран (Белоруссия, Украина, Россия, Турция, Пакистан)

Поскольку для Казахстана и Киргизии в целом Хофстедовых оценок нет, то о соотношении ментальности студентов и ментальности основной массы населения в этих странах можно судить лишь в первом приближении. Если справедливо предположение, что казахская и киргизская национальная ментальность являются более восточными, чем российская¹⁷, то студенты Казахстана и Киргизии тоже будут «вестернизированнее» основной массы своих сограждан. При этом разрыв между Хофстедовыми индексами студентов и индексами нации будет в среднеазиатских республиках больше, чем в России, на Украине и в Белоруссии. Несомненно то, что по индексу дистанции власти (PDI) студенты среднеазиатских республик оказались заметно ближе к «европейской норме», чем студенты России, Белоруссии и даже Украины.

¹⁷ Об этом можно судить, например, на основе сравнительного исследования ментальности менеджеров разных стран [Ardichvili, Kuchinke 2002].

Итак, во всех странах студенты оказываются заметно более «вестернизированы», чем в целом та нация, к которой они принадлежат. Таким образом, главную нашу гипотезу о том, что высшее образование является в странах Востока «транслятором» западных ментальных ценностей, можно считать подтвердившейся.

Проверим теперь нашу дополнительную гипотезу, согласно которой «вестернизация» сознания студентов усиливается в зависимости от продолжительности обучения в вузе.

Здесь нас ожидает новый сюрприз: корреляция по Пирсону между Хофстедовыми показателями и уровнем образования студентов прослеживалась с большим трудом (табл. 12). Для семи модернизирующихся стран отмечены лишь две значимые корреляции, но и те с невысокими количественными показателями.

Даже если предположить, что низкие и малозначимые корреляции объясняются недостаточным количеством респондентов, то совершенно неожиданными оказываются векторы корреляций. Согласно предложенной гипотезе, чем дольше учатся студенты, тем выше в их сознании должны быть ценности индивидуализма и тем ниже ценности авторитаризма (дистанции власти). Но лишь в Турции и Киргизии по показателю PDI ожидания совпали с полученными данными. В Казахстане продолжительность обучения в вузе оказалась никак не связанной с изменением PDI и IDV. В большинстве же случаев (по PDI – в России, на Украине и в Пакистане; по IDV – в Белоруссии, Киргизии и Пакистане) вектор корреляции оказался даже противоположным ожидаемому. Таким образом, чем выше уровень образования студентов, тем выше индекс дистанции власти и ниже индекс индивидуализма.

Таблица 12. Корреляции между уровнем образования студентов и их Хофстедовыми индексами ментальности (по индексу Пирсона)

	PDI	IDV	UAI	MAS	LTO
Россия	≈0,10				–0,1
Украина	≈0,10		≈–0,1		≈–0,1
Белоруссия		–0,3	0,1	–0,10	
Казахстан			–0,22		0,10
Киргизия	≈–0,10	≈–0,10	–0,14		≈–0,10
Турция	–0,10		≈–0,10	≈0,2	≈0,10
Пакистан	0,11	–0,2	–0,42	0,10	

Получается весьма парадоксальный вывод: система высшего образования «вестернизирует» сознание студентов, но чем дольше продолжается это воздействие, тем слабее степень «вестернизации». Мы наблюдаем эффект отрицательной предельной отдачи от высшего образования, когда последние годы обучения дают уже не прирост, а сокращение полезного культурного эффекта. Впрочем, если учесть слабость и низкую достоверность корреляций, то наиболее корректным будет вывод о *нулевой предельной отдаче от высшего образования, если понимать отдачу как «вестернизацию» сознания студентов* (повышение индивидуализма, понижение дистанции власти).

В поисках объяснения загадки нулевой предельной отдачи высшего образования мы предлагаем следующую гипотезу: *«вестернизирующим» фактором является не само по себе высшее образование, а подготовка к нему.*

Выбор профессиональной карьеры осуществляется в основном в последние школьные годы, когда ученик определяется с приоритетами «нравится – не нравится» относительно учебных дисциплин. Поскольку мы анализировали ментальные ценности в основном студентов-экономистов, то следует учитывать, что с базовыми идеями современного мейнстримного экономического мышления молодежь знакомится уже в рамках школьной программы. Эти идеи можно уловить, едва услышав, что современная экономическая наука изучает рыночное хозяйство, в рамках которого индивиды самостоятельно решают, что и как производить. Разумно предположить, что школьник, который настроен на получение высшего экономического образования, заранее будет культивировать в своем сознании благожелательное отношение к индивидуалистическим правилам поведения в демократическом обществе. Поскольку в вузы приходят молодые люди, априори лояльные к западным ценностям, то сама вузовская система может работать с нулевой отдачей, практически не влияя на степень укорененности этих ценностей.

Наше этнометрическое исследование студентов дает дополнительные аргументы тем современным обществоведам, которые считают новое поколение россиян более готовым к восприятию западных институтов. Однако не следует торопиться с оптимистическими выводами. Хотя студенты «вестернизованнее» основной массы своих сограждан, не очевидно, что эта характеристика сохраняется, когда вчерашние студенты вливаются в трудовые коллективы. Не является ли более высокая «вестернизация» сознания лишь начальным элементом жизненного цикла нового работника? Не происходит ли затем у бывших студентов «остернизации» сознания, когда они перестают вращаться в кругу своих сверстников и начинают адаптироваться к «прозе жизни»? Ведь корреляции по Пирсону позволяют предположительно утверждать, что на более поздних этапах образования, когда студент уже готовится к выходу на рынок труда, могут наблюдаться именно симптомы «остернизации» – рост дистанции власти и понижение индивидуализма. В таком случае за фиксируемыми различиями в ментальности студентов и нации в целом может и не скрываться никаких глобальных подвижек ментальных норм.

Для более уверенных выводов о роли вузов в модернизации сознания необходимо расширить поле исследования, сопоставив данные по ментальности студентов с данными по ментальности довузовской и поствузовской молодежи (школьников и молодых работников).

Итак, этнометрический анализ по методике Г. Хофстеда уже продемонстрировал возможность добиваться новых результатов в понимании институционального развития современной российской экономики. Но еще многое предстоит сделать.

По результатам наших этнометрических исследований можно считать доказанным, что:

на ментальной карте мира российская экономическая ментальность – промежуточная между культурами мегацивилизаций Запада и Востока;

существуют значимые корреляции между индексами ментальности, предложенными Хофстедом, и участием россиян в теневой экономике (в том числе в коррупционных отношениях);

российские студенты обладают, видимо, более прозападной ментальностью, чем россияне в целом, хотя степень различий между ментальностью студентов и нации в целом в России заметно ниже, чем во многих других модернизирующихся странах.

Каждое из этих маленьких открытий ставит перед исследователем новые вопросы и открывает новые перспективы научного поиска. Насколько велики этнометрические различия между регионами России? Каковы корреляции между Хофстедовыми индексами и поведением людей в легальной экономике? Как меняется этнометрическая характеристика на протяжении жизненного цикла поколения? Этнометрическое изучение России еще только начинает активно развиваться, и множество «открытий чудных» ждут своих первооткрывателей.

Литература

- Белянин А. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. 2003. № 1.
- Бердяев Н.А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб.: Наука, 1992.
- Булгаков С.Н. Нация и человечество // Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2.
- Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6.
- Грачев М. Менеджмент в «международной системе координат» // Экономические стратегии. 1999. № 2.
- Канеман Д. Карты ограниченной рациональности: психология для поведенческой экономики // Психологический журнал. 2006. № 2.
- Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в ситуации неопределенности. Харьков: Гуманитарный центр, 2005.
- Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. № 4.
- Культура имеет значение. М.: МШПИ, 2002.
- Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика: Учебное пособие. М.: Норма, 2006.
- Латов Ю.В., Латова Н.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Ответственные науки и современность. 2001. № 4.
- Латов Ю.В., Латова Н.В., Николаева С.И. Повседневная теневая экономика и национальная экономическая ментальность в постсоветской России: Взаимосвязь индексов Г. Хофстеда и индикаторов теневой экономической деятельности / Под ред. С.И. Николаевой. М.: Директмедиа Паблишинг, 2005.
- Латов Ю.В., Нестик Т.А. Что виновато – «плохие» законы или культурные традиции? // Ответственные науки и современность. 2002. № 5.
- Латова Н.В. Этнометрические измерения: теория и практика // Социология 4М. 2003. № 17. Интернет-ресурс: <http://ethnometr.narod.ru/4M.doc>
- Латова Н.В., Латов Ю.В. Экономическая ментальность как неформальный институт российской экономики // Постсоветский институционализм. Донецк: Каштан, 2005.
- Латова Н.В., Латов Ю.В., Эргинели А., Темирбекова Ж. Ментальность молодежи модернизирующихся стран как отражение изменений надконституционных правил (этнометрический

- подход на основе индексов Г. Хофстеда) / Научные труды Донецкого национального технического университета. Сер. Экономическая. Вып. 103–2. Донецк, 2006.
- Лебедева Н.М., Татарко А.* Ценности культуры и развитие общества (готовится к изданию).
- Лосский Н.О.* Характер русского народа. Франкфурт: Посев, 1957.
- Науомов А.* Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3.
- Нестик Т.А.* Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. 4. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. Ч. 2. М.: РГГУ, 2002.
- Розмаинский И.В.* Специфика рациональности «Номо Post-Soveticus»: Доклад на VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие». 2007.
- Становление трудовых отношений в постсоветской России. М.: Академический Проект, 2004.
- Толстой Л.Н.* Рабство нашего времени (1900) // Толстовский листок. Вып. 10 / Сост. В.А. Мороз. СПб.: Фонд «За развитие и выживание человечества», 1997. Интернет-ресурс: <http://marsexh.narod.ru/tolstoy/tolstoy-rabstvo.html>.
- Хампден-Тернер Ч., Тромпенаарс Ф.* Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. Минск: Попурри, 2004.
- Ясин Е.Г.* Модернизация и общество: Доклад к VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие». М.: ГУ ВШЭ, 2007.
- Ardichvili A., Kuchinke K.P.* Leadership Styles and Cultural Values Among Managers and Subordinates: a Comparative Study of Four Countries of the Former Soviet Union, Germany and the US // Human Resource Development International. 2002. Vol. 5. № 1.
- Bollinger D.* The Four Cornerstones and Three Pillars in the «House of Russia» Management System // Journal of Management Development. 1994. Vol. 13. № 2.
- Hofstede Geert H.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed. Sage Publications, 2001.
- Hofstede G.* Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. California, 2001 (L.: Beverly Hills, 1980.)
- Hofstede G.* Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers, 1994.
- Hofstede G., Kolman L., Nicolescu O., Pajumaa I.* Characteristics of the Ideal Job among Students in Eight Countries // Key Issues in Cross-Cultural Psychology. 1996.